А.А.Пауткин

"СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ" В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОВЕСТВОВАНИИ Г.СЕНКЕВИЧА

Среди большого числа исследований по различным аспектам русско-польских литературных связей работы, посвященные анализу влияния русской литературы на творчество Генрика Сенкевича, занимают достаточно скромное место. Объясняется это прежде всего взглядами и личными пристрастиями самого Сенкевича, который "старался держаться подальше от всего, связанного с Россией"[1]. Лишь в последние десятилетия проблема "Сенкевич и русская литература" получила в трудах польских и отечественных литературоведов новое освещение[2].

Одним из наиболее популярных в читательской среде давно уже стал роман Сенкевича "Огнем и мечом" (1884), входящий в знаменитую "Трилогию" наряду с "Потопом" (1886) и "Паном Володыевским" (1888). Исторический роман со столь явной тенденцией, повествующий "в духе шляхетских представлений"[3] о кровопролитном периоде польско-украинских, и соответственно польско-русских, отношений середины XVII в., созданный для "поддержания духа", должен, казалось бы, содержать в себе больше отталкиваний от русской культуры, чем тяготений к ней. Однако детальное рассмотрение текста романа свидетельствует об обратном[4]. Интересующий нас момент взаимодействия заключен именно в области формы, структуры исторического повествования. А эта сторона романа всегда оценивалась критиками очень высоко. Давно уже стало общим местом противопоставление "прекрасной формы произведения его порочному содержанию"[5], восходящее к оценке "Огнем и мечом" Б.Пруса, высказанной им еще в 1884 г.

К особенностям стиля исторических романов Сенкевича обычно относят обилие "частных мотивов, ситуаций, эпизодов", имеющих "за собой солидную традицию"[6]. Все это, искусно соединенное рукой мастера, "выступает в новом качестве"[7]. Прежде всего исследователями отмечались следы влияния на "Трилогию" западноевропейской литературы разных эпох. Выделялись также мотивы и эпизоды, которые с той или иной долей вероятности можно возводить к произведениям русских писателей XIX в.

Удивительная, не отмечавшаяся ранее линия взаимодействия открывается при обращении к памятнику иной эпохи, к произведению древнерусской литературы, появившемуся за семьсот лет до написа-

ния романа Сенкевича. "Слово не живет одиноко, слово живет повторениями"[8],— писал В.Б.Шкловский. Множеством своеобразных повторений, обогащенных новыми поэтическими смыслами, в разнообразных сознательных и несознательных реминисценциях живет в литературе нового времени "Слово о полку Игореве". Достаточно полный обзор реминисценций "Слова" в русской литературе предложен в четвертом томе Энциклопедии "Слова о полку Игореве"[9]. Обобщенной же картиной обращения к "Слову" зарубежных авторов мы не располагаем. Г.Сенкевич и его роман "Огнем и мечом", как нам кажется, мог бы занять здесь одно из почетных мест.

Прежде чем провести конкретные текстовые наблюдения, попытаемся обосновать возможность использования "Слова" польским историческим романистом, ответив на естественные вопросы: почему это могло произойти и зачем Сенкевичу понадобился текст "Слова"?

Следует напомнить, что роман увидел свет в 1884 г., а 70-е годы XIX в. — особый период в изучении "Слова", когда выходили работы Вс.Миллера, П.П.Вяземского, А.А.Потебни. В это десятилетие Ф.И.Буслаев склоняется к теории "школы заимствования", публикует свои сравнительно-исторические исследования А.Веселовский. "Слово" рассматривается в свете теорий всевозможных влияний. Рецепция памятника в Польше середины XIX в. хорошо изучена[10]. Отмечаются активность переводчиков и многочисленные писательские отклики на древнюю поэму (например, А.Белевский, А.Красиньский, Я.Вагилевич, Т.Ленартович). Правда, большее внимание ей уделяли именно романтики. Характеризуя важность "Слова" в литературной жизни Польши, обычно приводят высказывания А.Мицкевича, который в Парижских лекциях 40-х гг. указывал, что в "Слове" многое "нарисовано с натуры", отражена "славянская природа и характер", констатировал актуальность "Слова", заимствования у русских и польских поэтов[11]. Мицкевич как бы предначертал все возможные рассуждения и творческие потребности исторического романиста.

Нельзя однозначно утверждать, к какому тексту памятника обращался Сенкевич (древнерусский, русский перевод, поэтическое переложение или польский перевод). Заметим, что в 1882 г. впервые был опубликован выдающийся перевод "Слова" В.А.Жуковского. Вполне возможно, что романист воспользовался "первым полным переводом "Слова" на польский язык, сделанным Августом Белевским (1833 г.)"[12]. Переводчик усматривал связь "Слова" с устной народной поэзией, а его труд всегда высоко оценивался в Польше[13].

Невозможно ответить и на вопрос: как воспринимал "Слово" Сенкевич? Видел ли он в нем произведение, которое "в равной степени принадлежит истории русской, украинской и белорусской литератур"[14]? Или считал его явлением древней украинской литературы? Культура и фольклор Украины уже давно питали творчество поль-

ских литераторов. Так, для романтиков "украинской школы" этот край был, пожалуй, тем же, чем Кавказ был для романтиков русских. Действие романа происходит в украинских пределах, где национальные вопросы обострены. Годы, предшествовавшие написанию "Огнем и мечом", были временем, когда в печати развернулась полемика по поводу национальной принадлежности литературы Киевской Руси. В спорах 60–70-х гг. XIX в. об украинской или русской литературе XI–XIII вв. так или иначе участвовали М.А.Максимович, А.А.Потебня, В.Б.Антонович, И.В.Ягич, Н.П.Дашкевич, А.И.Соболевский, П.И.Житецкий, И.Франко и др.[15]. Полемика сама по себе оживляла интерес к "Слову".

Конечно, изучая историю борьбы Речи Посполитой с Богданом Хмельницким, создавая колорит бурной эпохи середины XVII в., писатель должен был знакомиться с украинским фольклором. В романе цитируется ряд казачьих песен, исполняемых "дедами". Даже пан Заглоба и главная героиня романа Елена, спасаясь от преследования, превращаются на какое-то время в странствующего певца и его поводыря. Заглоба сомозабвенно исполняет думу "Соколе ясний, брате мий ридний..." Вспомним, какую роль в ознакомлении широких читательских кругов с украинским фольклором сыграл М.А.Максимович, отдавший много сил изучению, изданию и комментированию "Слова". Недаром его "Украинские народные песни" живо интересовали русских писателей. Именно в конце 70-х гг. XIX в. выходит трехтомное собрание сочинений Максимовича. Добавим к этому, что исследователь рассматривал украинские думы в генетической связи со "Словом", и даже предпослал основным разделам своего издания песен эпиграфы из "Слова". По мнению Ф.Я.Приймы: "Подбор и размещение эпиграфов имели целью обратить внимание читателей на преемственную связь между "Словом о полку Игореве" и украинскими думами"[16].

В тексте романа имеются прямые отсылки на хроники Самуила Величко, Иоакима Ерлича, Эрика Ляссоты. Но не только эти мемуаристы прошлого писали о судьбах украинского казачества XVI–XVII вв. и его вождях. М.А.Максимович был автором ряда исторических трудов именно на эту тему. Трудно представить себе, что Сенкевич, в романе которого помимо Хмельницкого действуют или упоминаются Богун, Барабаш, Кривонос, Сагайдачный, Наливайко и Лобода, не знал работ Максимовича.

Таким образом, историко-литературная ситуация, состояние гуманитарного знания в 70–80-е гг. XIX в. свидетельствуют в пользу нашего предположения. Кроме того, в русской литературе, в произведениях близкой тематики у Сенкевича тоже имелись предшественники. Ф.Я.Прийма усматривает связь со "Словом" исторической повести Ф.Глинки "Зиновий Богдан Хмельницкий или Освобожденная Малороссия" (1819) и гоголевского "Тараса Бульбы"[17].

Теперь коснемся обоснований сюжетного уровня. В первом томе романа изображается поражение поляков в степи от казаков Хмельницкого и крымских татар. Главный герой — пан Скшетуский попадает в плен к хану Тугай-Бею, а тот за выкуп отдает ляха Хмельницкому. Так Скшетуский становится пленником человека, которому в начале повествования спасает жизнь (ср. герой "Слова" Игорь — пленник своего свата и бывшего союзника хана Кончака, вместе с которым они чудом спаслись от гибели за несколько лет до событий 1185 г.). Далее герой романа отпущен Хмельницким, Игорь же бежит, воспользовавшись относительной свободой в лагере половцев. Восстание, руководимое Хмельницким,— бедствие для Речи Посполитой, борьба с междоусобицей и нашествием крымцев — главная задача шляхтичей. Идея романа заключена в сохранении единого польского государства, в борьбе с его упадком (ср. со "Словом", призывающим князей к единению, защите от кочевников древнерусского государства). Носителем этого патриотического начала является князь, крупнейший магнат Иеремия Вишневецкий, владевший в первой половине XVII в. огромными украинскими территориями, (ср. со Святославом Всеволодовичем, произносящим "золотое слово"). Могущество, государственная мудрость и объединительная роль князей Иеремии и Святослава явно идеализируется авторами обоих произведений. Они воплощают центральную власть, выступают защитниками не только от кочевников (в событиях 1648 г. участвуют крымские татары), но и от раздробления по сути одних и тех же земель (Киевская Русь — Киевское и прилежащие к нему воеводства).

Если же мы обратимся к художественному пространству романа, то заметим следующее: его география удивительно близка пространствам, где разворачивались события 1185 г. (Русская земля и поле). В первой же главе читатель попадает в Дикое поле (ср. "поле незнаемое" — поле половецкое). А в третьей — читаем: "Вообще же приднепровский этот край — старая половецкая земля — совершенно пустынный, татарами часто навещаемый, казакам доступный, заселен был разве что до Дикого поля"*. Поле в романе, как и в "Слове",— необжитое, опасное, враждебное героям пространство. Скшетуский пленен примерно там же, где и Игорь. Правда, версий о том, где была Каяла множество, но ближайшие географические координаты отстоят на 100–120 км. Известно, что Сенкевич не знал украинских степей, поэтому "Слово" представляется весьма вероятным источником романа. Границы природных зон к XVII в. не сдвинулись, не изменился характер землепользования, остались во многом теми же социальные обстоятельства, его консервирующие. Степная природа XII и XVII вв. различались незначительно

* Текст романа цитируется по изданию: Генрик Сенкевич. Собр. соч. в восьми томах. Т. 3, Тула, 1993, С. 27. Далее ссылки на это издание в тексте.

(первые попытки насадить леса относятся к 1696 г.). Наконец, Скшетуский едет степями в Сечь в конце марта — апреле. Свой поход на половцев князья ольговичи, возглавляемые Игорем Святославичем, начали тоже весной — 23 апреля 1185 г., а 1 мая произошло знаменитое солнечное затмение.

Лубны — "княжеский замок-резиденция" (с. 57), откуда Скшетуский отправляется в Сечь, расположен на берегу Сулы. Ее болотистые берега описаны в третьей главе романа. Именно здесь, "около Лубна", в 1107 г. были разбиты Боняк и "Шарукан старый", а река Сула, пограничный рубеж между русской землей и полем, многократно упоминается в "Слове" (напр., "комони ржуть за Сулою"; "уже бо Сула не течеть серебреными струями", кличущий див "велитъ послушати... Посулию..."*). Упомянуты в романе Сурож, Корсунь и другие топонимы, известные по "Слову". Потрясение героя днепровскими порогами сродни плачу Ярославны ("О, Днепре Словутицю! Ты пробилъ еси каменныя горы сквозе землю Половецкую"), ведь Скшетуский плывет в Сечь по Днепру ("ты лелеялъ еси на себе Святославли насады до плъку Кобякова").

Еще один штрих к доказательству возможного интереса Сенкевича к "Слову" — упоминание в его тексте "мечей литовских", "шлемов литовских" и "копий польских". В описании имения Разлоги важной частью интерьера является собрание оружия разных народов, развешанное по стенам. Оружие это богато украшено золотом и серебром. И среди великолепия арсенала, принадлежащего семье Курцевичей, центральное место занимают "шлемы польские... щиты, к тому времени вышедшие из употребления, а рядом польские копья..." (с. 45) — (Ср. в "Слове": "Кое ваши златыи шеломы и сулицы ляцкыи и щиты?").

Подавляющее большинство близких "Слову" фрагментов романа сосредоточено в первом томе. И именно здесь "действуют" все отмеченные сюжетные, географические и исторические параллели двух текстов. Во втором — можно отметить лишь беглое сравнение битвы с жатвой и упоминание казаками "Дива" (с. 547). Это мифическое существо здесь тоже связано с враждебным, загадочным началом. Лех Людоровский, изучавший повествовательную природу романа, отмечает: иногда повествователь превращается "в эпического рапсода"[18]. Он связывает это явление прежде всего с гомеровскими традициями, придающими повествованию героическое и патетическое звучание. Думается, скрытое обращение к "Слову" служит той же цели. Особенно много своеобразных инкрустаций там, где Сенкевич создает мифологизированный ландшафт Украины. Таковы, например, описания таинственной степи: "Небо меркло, отчего степь по-

---

* Текст "Слова о полку Игореве" цит. по изд.: "Слово о полку Игореве". Библиотека поэта. Малая серия. Л., 1949. Вступ. статья, ред. и прим. Д.С.Лихачева.

малу погружалась в сумрак" (с. 6) (ср. "Длъго ночь мрькнетъ... мъгла поля покрыла), оглашаемой тревожным воем волков ("влъцы грозу въстрожать по яругамъ") и т.д.

Известно, сколь много в "Слове" образов, связанных с миром пернатых. "Орнитологическая" сторона романного повествования поразительно близка нашему памятнику. Сцена первого знакомства героев — Скшетуского и Елены (глава третья) заставляет вспомнить многочисленные образы соколиной охоты в "Слове". Хищная птица, буквально соединившая руки героев, у Сенкевича преследует стаю журавлей, "которая неслась с отчаянными криками": "Умная птица вынудила между тем стаю подняться вверх, сама молниеносно взмыла еще выше и повисла над ней. Журавли сбились в единое огромное коловращение, точно буря шумевшее крылами. Истошные крики наполнили воздух" (с. 32) ("Żurawie zbiły się w jeden ogromny wir..." s. 44*). Это, пожалуй, первое заметное обращение к "Слову", где помимо зачина найдем: "О! Далече зайде соколъ птицъ бья къ морю"; "коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ", "яко соколъ на ветрехъ ширяяся, хотя птицю въ буйстве одолети"; "и полете соколомъ подъ мьглами, избивая гуси и лебеди..." В романе не раз упоминаются различные хищные птицы (орлы, соколы, ястребы, беркуты). Например, "орлы, ястребы и вороны обозначают кости в степи" (с. 6) (Ср. "Орли клектомъ на кости звери зовутъ"). Переживания пленного Скшетуского описаны так: "Опасения, недобрые предчувствия, тревога слетелись к нему, словно вороны" (с. 87) ("Obawa, złe przeczucia, troski obsiadły go jak kruki", s. 120). Сравните со "Словом": "Всю нощь съ вечера бусови врани възграяху"; "уже бо беды его пасетъ птиць по дубию" и т.д. Герой романа наблюдает стаи птиц в излучинах Днепра. Вспугнутые птицы "взметывались из трав и летели впереди войска" (с. 120) (Ср. "галици стады бежать къ Дону великому"). Все это близко и описанию бегства Игоря из плена. А об одном из героев автор замечает: "Он птицей бы полетел к Кудаку" (с. 125) (ср. плач Ярославны).

Особенно богатый сопоставительный материал дает маленькая тринадцатая глава, где изображено выступление в поход из Сечи казаков Хмельницкого и татар Тугай-Бея. Здесь мы обнаружим фразы: "Скрип обозных телег, лебединым или журавлиным голосам подобный" (с. 120) — "skrzypienie wozów taborowych podobne do krzyku łabędzi lub żurawi" (s. 166) (ср. в "Слове": "Крычатъ телегы полунощы, рци, лебеди роспущени"); "слышался тогда лишь плеск знамен" — "słychać było łopot chorągwi (s. 166) (ср. "стязи глаголютъ"). Запорожцы идут в поход, как на свадьбу (битва — свадебный пир), степь поет ("земля тутьнетъ"), крики воинов наполняют степь

* Цит. по изд.: Henryk Sienkiewicz. Ogniem i mieczem. Tom I. Warszawa, 1964, Wydanie pod redacyą Juliana Krzyżanowsçkiego, s. 44. В дальнейшем цитаты даются по этому изд., страницы ук. в тексте статьи.

("кликом поля прегородиша"). Фраза: "Какие-то странные ржавые тучи обложили на западной стороне небо, похожие на чудищ... словно намереваясь затеять побоище" (с. 121), а также ей подобная — "чёрные тучи обложили украинский горизонт", отбрасывали "зловещую мрачную тень", в их "недрах все клубилось и грохотало, а громы перекатывались из конца в конец (с. 81) ("czarne chmury skłębili się na widnokręgu ukraińskim..." s. 112) — невольно заставляют вновь вспомнить наше "Слово" ("чръныя тучя съ моря идутъ,.. а въ нихъ трепещуть синии млънии").

Раненый пленник Скшетуский, подобно Игорю, наблюдает бой под Кудаком, ему мерещится Елена, взывающая о помощи (ср. с Ярославной), представляет он грозного Иеремию Вишневецкого: "Князь с молниею во взоре летает перед строем и в какую сторону булавою кинет, там сразу триста копий, словно триста громов грянут" (с. 122) (ср. "камо туръ поскочяше, своимъ златымъ шлемомъ посвечивая, тамо..." — о князе Всеволоде Святославиче).

Интересно, что и отрицательный герой, антагонист польской шляхты Богун, характеризуется Сенкевичем с явным использованием фрагмента "Слова", повествующего о результатах первой победы дружин Игоря Святославича над половцами. Этот казачий предводитель, которого "песня избрала своим любимцем, а имя прославилось по всей Украине", был лих и отважен, брал богатую добычу. Однако не раз замечали, "как топчет он перемазанными сапогами бархаты и парчу, как стелет коням под копыта ковры" (с. 41) — Ср. в "Слове": "...А съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты. Орьтмами и япончицами и кожухы начаша мосты мостити по болотамъ и грязивымъ местомъ и всякыми узорочи половецкыми". Подобно "сведомим кметям" курянам Всеволода Святославича, Богун вырос и возмужал в походах. "Колыбелью ему, уж точно, были степи... сызмалу сжился он и слился с этим первозданным миром... Школою его были вылазки в Дикое поле" (с. 40), а его казаки "точно волки" *пробираются в степи (ср. "акы серыи влъци в поле")*.

Приведенные примеры далеко не исчерпывают всех скрытых реминисценций. Отметим, например, фразу: "Пахарь с плугом неохотно выходил в поле, хотя весна настала ранняя, тихая, теплая" (с. 71) — "Rolnik niechętnie z pługiem na pole wychodził" — s. 97. В "Слове" же читаем: "Тогда по Руской земли ретко ратаеве кикахуть..." Описания природы, астральных событий можно назвать самым соотносимым со "Словом" пластом романного повествования: "Летом случилось великое затмение солнца" (с. 5) — "latem zdarzyło się wielkie zaćńienie słońca" (S. 5), "Великая гроза надвигается с Дикого поля" (с. 73) — "wielka burza idzie od Dzikich Pól" (s. 100).

Таким образом, текстовые наблюдения подтверждают мнение полонистов об "использовании Сенкевичем формальных элементов"[19], почерпнутых из национальной традиции и мировой литературы.

Скрытое соединение деталей, мотивов, образов позволило писателю создать удивительный сплав реалистического и романтического начал. Множественные реминисценции служат для придания повествованию дополнительной эмоциональности. "Слово" — еще один далекий по времени источник романа, наряду с античными и польскими традициями (тексты XVII в., мемуары, произведения польских авторов XIX в.[20]). Появление рассмотренных реминисценций обусловлено вниманием писателя к фольклору (прежде всего украинскому), эпосу вообще. На это указывают и упоминание "стародавних" курганов в степи, и образ гудящих под водою "колоколов ушедших на дно городов" (с. 27) (ср. с легендой о граде Китеже).

Художественный мир романа "Огнем и мечом" удивительно многопланов. Сенкевича интересовали произведения русской литературы разных эпох, а созданное им историческое повествование вызвало не только читательский интерес в России, отклики в критике, но и оставило свой след в русской прозе XX в.[21].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Krzyżanowski J. Henryka Sienkiewicza żiwot i sprawy. Warszawa, 1966, s. 230.

[2] Б.Бялокозович отстаивал правомерность такого подхода к творчеству польского классика. При этом исследователь замечал: "Долгое время бытовало мнение, что автор "Трилогии" русской литературой не интересовался и его творчество имеет с ней очень мало общего". См.: Бялокозович Б. Родственность, преемственность, современность. О польско-русских и польско-советских литературных связях. / Под общ. ред. В.Хорева. М., 1988. С. 71.

[3] Горский И.К. Польский исторический роман и проблема историзма. М., 1963. С. 113.

[4] Подробнее см.: Пауткин А.А. Исторический роман Г.Сенкевича "Огнем и мечом" и русская литература // Вестник Московского университета, Сер. 9. Филология, 1997, № 1. С. 78–89.

[5] Горский И.К. Исторический роман Сенкевича. М., 1966. С. 103.

[6] Там же. С. 144.

[7] Там же. С. 144.

[8] Шкловский В. О теории прозы. М., 1983. С. 4.

[9] Энциклопедия "Слова о полку Игореве". Т. 4. СПб., 1995. С. 206–212.

[10] См. об этом: Малек Э. "Слово о полку Игореве" в Польше // "Слово о полку Игореве". Комплексные исследования. М., 1988. С. 365–382; Твердислова Е.С. "Слово о полку Игореве" и польская литература. // Новые советские и зарубежные исследования "Слова о полку Игореве". М., 1987. С. 92–105.

[11] Мицкевич А. Собрание сочинений в 5 т. М., 1954. Т. 4. С. 163–165.

[12] Гребнева Э.Я. "Слово о полку Игореве" в ранних славянских переводах // "Слово о полку Игореве" и его время. М., 1985. С. 181.

[13] См., например, Obrębska — Jabłońska A. Słowo w przekładach polskich // Słowo o wyprawie Igora. Warszawa, 1954.

[14] Кравцов Н.И. "Слово о полку Игореве" и литературы славянских народов // "Слово о полку Игореве" и его время. М., 1985. С. 191.

[15] См. об этом: Гудзий Н.К. Литература Киевской Руси в истории братских литератур // Русско-украинские литературные связи. М., 1951. С. 41–78.

[16] Прийма Ф.Я. "Слово о полку Игореве" в русском историко-литературном процессе первой трети XIX в. Л., 1980. С. 183.

[17] Там же. С. 189–190.

[18] Ludorowski L. Sztuka opowiadania w "Ognem i mieczem" Henryka Sienkiewicza. Warszawa — Poznan', 1977, s. 48.

[19] Горский И.К. Исторический роман Сенкевича. С. 148.

[20] См. об этом: Bujnicki T. Struktura artystyczna "Trylogii" a pamiętniki polskie XVII wieku // Henryk Sienkiewicz — twórczość recepcja światowa. Materiały konferencji naukowej 2 listopada 1966, pod red. A.Piorunowej i K.Wyki. Kraków, 1968, s. 310–311.

[21] Самым примечательным фактом творческого обращения к роману "Огнем и мечом" в русской литературе XX в. стала "Белая гвардия" М.А.Булгакова. Первым на связь двух романов указал в своем докладе "М.Булгаков и Г.Сенкевич" Б.В.Соколов ("Булгаковские чтения", МГУ, апрель 1991 г.). См. также: Пауткин А.А. Исторический роман Г.Сенкевича "Огнем и мечом" и русская литература. // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология, 1997, № 1. С. 84–88.